

О  
„НОВОМЪ ЕВАНГЕЛІИ“

ГР. ТОЛСТАГО.

---

*Священника Николая Елеонскаго.*

---

(Читано въ годичномъ засѣданіи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ, 14 Декабря 1886 года).

---

МОСКВА.

Тип. Л. и А. Снегиревыхъ. Остож. Савелов. пер., соб. дѣмъ  
1887 г.

Дозволено цензурою. Москва. Января 30 дня 1886 года.  
Цензоръ Архимандритъ *Амфилогій*.

Изъ Январской книги Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія 1887 г.

## О „новомъ евангеліи“ гр. Толстаго.

### I.

Въ ряду произведеній гр. Толстаго, появившихся въ послѣднее время, первое мѣсто, безспорно, занимаетъ „новое евангеліе“. Оно знакомитъ насъ съ основными пунктами міросозерцанія и вообще довольно рельефно обнаруживаетъ особенности духовнаго склада своего автора; сверхъ того, оно занимаетъ центральное положеніе по отношенію къ тѣмъ его трудамъ, которые касаются такъ или иначе религіозно-нравственныхъ вопросовъ. Именно „исповѣдь“ гр. Толстаго можетъ быть разсматриваема какъ введеніе къ „новому евангелію“; въ сочиненіи „моя вѣра“ обстоятельно раскрываются тѣ пять положеній практическаго характера, которыя въ этомъ „новомъ евангеліи“ формулированы и поставлены на теоретическую почву; въ произведеніи „такъ что жъ намъ дѣлать“ (или „мысли вызванныя переписью“) предпринята попытка приложить къ текущей русской жизни то, что уясняется въ „моей вѣрѣ“; наконецъ въ брошюркахъ для школъ въ популярной и, отчасти, въ художественной формѣ предлагаются народу тѣ идеи, которыя особенно подчеркнуты на страницахъ „новаго евангелія“. Между тѣмъ этотъ трудъ всего менѣе затрогивался въ тѣхъ критическихъ статьяхъ, которыя вызваны послѣдними произведеніями нашего знаменитаго писателя. Отсюда знакомство съ нимъ, посильный разборъ его будутъ, какъ кажется, не излишними.

„Новое евангеліе“ гр. Толстаго представляетъ собою сводъ четвероевангелія, т. е. въ немъ евангельское содержаніе изложено не по одному какому-либо евангелисту, но по всѣмъ четыремъ въ послѣдовательномъ логическомъ порядкѣ. Впро-

чемъ, при изложеніи преимущество дано тексту евангелія Іоанна; всѣ рѣчи Господа Іисуса, изложенныя въ этомъ евангеліи, нашли мѣсто въ разсматриваемомъ трудѣ; затѣмъ довольно обширныя отдѣлы взяты у Матвея и сравнительно менѣе у Луки, особенно же у Марка. Будучи сводомъ всѣхъ евангельскихъ текстовъ, „новое евангеліе“ однако же далеко не изчерпываетъ всего ихъ содержанія: въ немъ опущены многочисленные и обширныя по объему отдѣлы каноническаго текста евангелій. Опущено, именно, слѣдующее: рассказы о зачатіи, рожденіи, заключеніи и смерти Іоанна Крестителя, родословіе Христа, повѣствованія о Его рождествѣ, бѣгствѣ съ Матерію и Іосифомъ въ Египетъ и возвращеніи оттуда, о преображеніи и воскресеніи Христа, Его явленіяхъ по воскресеніи и о вознесеніи; далѣе—описанія чудесныхъ дѣйствій Спасителя, за немногими лишь исключеніями; сохранено напр. описаніе исцѣленія слѣпца, при чемъ, однако же, это чудесное дѣйствіе представлено совершенно естественнымъ; наконецъ опущены почти всѣ указанія на ветхозавѣтныя пророчества, исполнившіяся въ жизни и дѣятельности Спасителя. Вообще въ „новомъ евангеліи“ почти вовсе опущенъ повѣствовательный элементъ четвероевангелія каноническаго и въ трудѣ гр. Толстаго мы имѣемъ не исторію, живо, наглядно и объективно изложенную, обильную многочисленными и разнообразными фактами, а ученіе, по преимуществу отвлеченное, изложенное по своеобразному плану, принадлежащему составителю труда <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Именно „новое евангеліе“ раздѣлено на 12 главъ. По словамъ автора, раздѣленіе „евангелія“ на 12, или на 6 главъ (соединяя по двѣ главы въ одну) вытекло само собою изъ смысла ученія. Вотъ смыслъ этихъ главъ: 1) Человѣкъ сынъ безконечнаго начала—сынъ этого отца не плотью, но духомъ; 2) И потому человѣкъ долженъ служить этому началу духомъ. 3) Жизнь всѣхъ людей имѣетъ божественное начало. Она одна—свята; 4) И потому человѣкъ долженъ служить этому началу (въ отношеніи своихъ ближнихъ). Это—воля Бога. 5) Служеніе своей волѣ губить жизнь; служеніе же волѣ отца жизни даетъ жизнь; 6) И потому удовлетвореніе своей воли не нужно для жизни. 7) Служеніе волѣ отца даетъ пищу жизни истинной. 8) Истинна только та жизнь, которая ведется согласно волѣ Бога. 9) Обманъ жизни во времени, жизни прошедшаго и будущаго, скрываетъ отъ людей истинную жизнь настоящаго; 10) И потому человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы разрушать обманъ прошедшаго и будущаго. 11) Истинная жизнь есть жизнь настоящая,—общая всѣмъ людямъ

Авторъ „новаго евангелія“ не ограничился, однако же, сокращеніемъ каноническаго текста, удаленіемъ изъ него фактическаго матеріала; онъ не оставилъ неприкосновеннымъ и тѣхъ отдѣловъ, которые внесъ въ свое произведеніе, наложилъ руку на содержаніе ихъ. Правда въ „новомъ евангеліи“ мы встрѣчаемъ главы и стихи съ поименованіемъ того или другаго евангелиста, но подъ этими цитатами мы не находимъ того, что значитъ подъ ними въ нашихъ евангеліяхъ; вмѣсто извѣстныхъ изреченій Спасителя мы читаемъ иныя, вовсе незнакомыя, замѣняемыя мыслями и положеніями, съ дѣтства однажды и навсегда усвоенныхъ нами, нашему вниманію предлагаются совершенно новыя, никогда еще не слыханныя нами и стоящія внѣ всякой связи съ тѣмъ, что входитъ въ составъ св. благовѣствованія. Такъ изложеніе „новаго евангелія“ начинается словами: „Въ основу и начало всего стало разумѣніе жизни. Разумѣніе жизни стало вмѣсто Бога. Разумѣніе жизни есть Богъ. Оно-то, по возвращенію Іисуса, стало основой и началомъ всего вмѣсто Бога. Все, что живетъ, родилось къ жизни чрезъ разумѣніе. И безъ него не можетъ быть ни что живое... И разумѣніе жизни проявило себя во плоти въ лицѣ Іисуса Христа, и мы поняли смыслъ его тотъ, что сынъ разумѣнія—человѣкъ во плоти однороденъ отцу—началу жизни, такой же какъ и отецъ—начало жизни. При этихъ начальныхъ словахъ поставлена цитата: Іоан. I, 1—3. 14. Но подъ этою цитатою въ нашемъ евангельскомъ текстѣ мы читаемъ слѣдующія, всѣмъ столь извѣстныя слова: „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога. Все произошло чрезъ Него, и безъ Него не начало быть ничто, что произошло. И

---

12) И потому, для живущаго въ настоящемъ общую жизнью всѣхъ людей соединять съ отцомъ—началомъ есть основа жизни. Каждая дѣя глава, замѣчаетъ авторъ, имѣютъ между собою связь слѣдствія и причинъ. Каждой главѣ предшествуетъ изложеніе ея содержанія съ цѣлію сжато и рельефно выразить мысли, раскрываемыя въ слѣдующемъ за симъ текстѣ. Къ 12 главамъ присоединены введеніе изъ I гл. евангелія Іоанна 1, 1—18 и заключеніе изъ I посланія того же апостола, присоединены потому, „что при простомъ пониманіи ученія Христа, части эти, подтверждая одна другую и все ученіе, въ противоположность страннымъ толкованіямъ церкви, представляютъ самое простое указаніе на тотъ смыслъ, который долженъ быть придаваемъ ученію“.

Слово стало плотію, и обитало съ нами, полное благодати и истины; и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца.“ Ясно, что между этимъ текстомъ и тѣмъ новымъ изложеніемъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Тамъ высказываются инныя совершенно новыя мысли, стоящія даже въ прямомъ противорѣчьи съ первыми стихами евангелія Іоанна. Матѳ. 11, 25 въ „новомъ евангеліи“ изложенъ такимъ образомъ: „и возрадовался Іисусъ о силѣ духа и сказалъ: признаю духа—отца началомъ всего небеснаго и земнаго, потому что то, что было скрыто отъ умныхъ и мудрецовъ, открывается не смысленнымъ, но только тѣмъ, которые признаютъ себя сыновьями отца—духа“. Въ евангельскомъ же текстѣ названный стихъ таковъ: „и продолжая рѣчь, Іисусъ сказалъ: славлю Тебя Отче, Господи и неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ то младенцамъ“. Опять полное несогласіе между новымъ изложеніемъ и его первообразомъ. А вотъ какъ передается гр. Толстымъ евангельское описаніе чудеснаго исцѣленія слѣпаго: „по дорогѣ увидалъ Іисусъ человѣка, глупаго отъ рожденія. И спросили ученики: кто виноватъ въ томъ, что человѣкъ этотъ отъ рожденія глушь; онъ, или родители его? И сказалъ Іисусъ: не виноваты ни родители его, ни онъ самъ, но въ томъ дѣло Божіе, чтобы былъ свѣтъ тамъ, гдѣ была тьма. И Іисусъ открылъ глупому ученіе о томъ, что онъ, глупый, сынъ Бога—духа, и, познавъ это ученіе, глупый позналъ свѣтъ. Призвали этого человѣка къ православнымъ учителямъ. И спрашивали его православные, какъ онъ сталъ понимать все, когда прежде былъ глушь. Онъ сказалъ: не знаю, какъ, но знаю, что теперь все понимаю“ и т. д. Между тѣмъ въ евангеліи Іоанна объ этомъ повѣствуется такъ: „проходя, Іисусъ увидѣлъ человѣка, слѣпаго отъ рожденія. Ученики Его спросили у Него: Равви, кто согрѣшилъ онъ, или родители его, что родился слѣпымъ? Іисусъ отвѣчалъ: не согрѣшилъ ни онъ, ни родители его, но *это для того*, чтобы на немъ явились дѣла Божіи. Сказавъ это, Онъ плонулъ на землю, сдѣлалъ брѣніе изъ плонувенія, и помазалъ брѣніемъ глаза слѣпому, и сказалъ ему: поди умойся, въ купальнѣ Силоамъ. Онъ пошелъ и умылся и пришелъ зрячимъ. Повели сего бывшаго слѣпца къ фарисеямъ. Спросили его фарисеи, какъ онъ прозрѣлъ. Онъ

сказалъ имъ: брєніе положилъ Онъ (Иисусъ) на мои глаза и я умылся и вижу“ (Іоан. 9, 1—3. 6. 7. 13. 15). Наконецъ, вотъ еще одинъ примѣръ передачи текста, очень важный для выясненія теоретическихъ воззрѣній гр. Толстаго. Въ евангеліи (Іоанна 6, 54—56) мы читаемъ слѣдующія слова Христа: „ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрепу его въ послѣдній день. Ибо плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питье. Ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ;“ по изложенію же гр. Толстаго Христосъ говоритъ: „То чувство во мнѣ, которое заставляетъ меня отдавать мою плоть для жизни духа, только это чувство и живетъ въ тѣлѣ чловѣка; потому наша плоть есть истинная пища для жизни духа. Сознаніе этого чувства, заставляющее меня отдавать свою плотскую жизнь за жизнь духа, и есть то „Я“, которое я сознаю въ себѣ, какъ жизнь духа отца“. <sup>1)</sup> Приведенные примѣры толстовской передачи не представляютъ собою исключеній. Напротивъ, все „новое евангеліе“ съ начала и до конца носитъ характеръ приведенныхъ отрывковъ и между прочимъ вся обширная нагорная проповѣдь, содержащая въ себѣ ученіе о царствѣ Божіемъ, о свойствахъ, необходимыхъ для вступленія въ это царство, вообще излагающая коренныя основы христіанской нравственности, отлилась у гр. Толстаго въ форму его пяти знаменитыхъ заповѣдей. Вотъ эти заповѣди по его изложенію: „1-я: не обижать никого и дѣлать такъ, чтобы ни въ комъ не возбудить ропота, потому что отъ ропота заводится зло. 2-я: не любезничать съ женщинами и не остав-

---

<sup>1)</sup> Въ параллель съ этимъ мѣстомъ можетъ быть поставлено слѣдующее: въ Евангеліи Мѣ. 22, 42—45 читаемъ: „что вы думаете о Христѣ? чей Онъ сынъ? Говорятъ Ему: Давидовъ. Говоритъ имъ: какъ же Давидъ, по вдохновенію, называетъ Его Господомъ, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу Моему: сѣди одесную Меня: доколѣ положу враговъ твоихъ въ подножіе ногъ твоихъ? (Пс. 109, 1),? И такъ если Давидъ называетъ Его Господомъ; какъ же Онъ сынъ ему?“ Въ „нов. еванг.“ это читается такъ: „Иисусъ сказалъ еще фарисеямъ: по вашему, что такое Христосъ? что онъ—сынъ чей нибудь? Они сказали: по нашему Христосъ сынъ Давидовъ. Тогда онъ сказалъ имъ: какъ же Давидъ называетъ Христа своимъ Господомъ? Христосъ не сынъ Давида, и ничей сынъ, а Христосъ—это тотъ же самый Господь, Владыка нашъ, котораго мы знаемъ въ себѣ, какъ жизнь нашу, Христосъ—это то разуміе, которое есть въ насъ“.

лять той жены, съ какой сошелся, потому что оставленіе женъ и переѣмна ихъ производить все распутство на свѣтѣ. 3 я: ни въ чемъ не клясться; потому что ничего нельзя обѣщать, такъ какъ человѣкъ весь во власти отца-духа, и клятвы берутся для злыхъ дѣлъ. 4-я: не противиться злу, терпѣть обиду и дѣлать еще больше того, чѣмъ то, что требуютъ люди; не судить и не судиться, потому что человекъ самъ полонъ ошибокъ и не можетъ учить другихъ. Мщеніемъ человекъ только учить другихъ тому же. 5-я: не дѣлать различія между своимъ отечествомъ и чужимъ, потому что всѣ люди дѣти одного отца—духа“. Такимъ образомъ „новое евангеліе“ гр. Толстаго представляетъ дѣйствительно нѣчто совершенно новое по отношенію къ извѣстному намъ евангелію, о чемъ впрочемъ заявляетъ и самъ гр. Толстой; по его словамъ, отношеніе исповѣдующаго христіанство къ его новому евангелію тоже, что отношеніе магометанина къ проповѣди христіанства <sup>1)</sup>. Что касается способа выраженія мыслей и событій въ „новомъ евангеліи“, или виѣшняго словеснаго изложенія, слога; то въ немъ нѣтъ одного, строго выдержаннаго тона, нѣтъ того спокойствія и объективности, какими отмѣчено евангельское изложеніе. Отъ туманно-отвлеченныхъ фразъ, съ которыми познакомилъ насъ одинъ изъ приведенныхъ отрывковъ, по мѣстамъ, дѣлаются переходы къ простой народной разговорной рѣчи,

---

1) Въ такомъ же, совершенно измѣненномъ, видѣ, какъ текстъ евангельскій, является въ „нов. евангеліи“ и текстъ 1 соборнаго посланія ап. Іоанна, которое присоединено къ „нов. евангелію“ въ видѣ заключенія. Такъ, 1 Іоан. 1, 7 читаемъ: „Если ходимъ во свѣтѣ, подобно какъ Онъ (Богъ) во свѣтѣ; то имѣемъ общеніе другъ съ другомъ, и кровь Іисуса Христа, Сына Его, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха“; а гр. Толстой передаетъ этотъ стихъ слѣд. образомъ: „только если мы живемъ той же жизнью, какую жилъ Іисусъ, тогда только мы соединены съ Нимъ“. 1 Іоан. 4, 9. 10: „любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ едиnorodнаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь черезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ, и послалъ Сына Своего въ умилостивленіе за грѣхи наши“; а у гр. Толстаго: „то, что Богъ есть любовь мы познаемъ изъ того, что онъ духъ свой, такой же какъ Онъ самъ, послалъ въ міръ и далъ намъ черезъ него жизнь. Намъ не было и мы не нужны были Богу, а Онъ далъ намъ жизнь и благо, стало быть, любить насъ“; и т. д., въ томъ же родѣ.

замѣтны попытки приблизить хотя нѣкоторые отдѣлы „новаго евангелія“ къ пониманію деревенскаго люда. Такъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ, богатый выражается такъ: „Авраамъ, батюшка, вонъ съ тобою Лазарь коростовый сидитъ, онъ у меня валялся подъ заборомъ“ (Лук. 16, 24). Краткая притча о закваскѣ передается слѣдующими словами: „какъ баба пуститъ въ дсжу закваску и смѣшаетъ съ мукой, она ужъ не ворочаетъ ее, и ждетъ, чтобы она сама закисла и поднялась: такъ Богъ, пока люди живутъ, не вступается въ ихъ жизнь“ (Матѣ. 13, 33). Въ силу той же попытки приблизить свой трудъ къ пониманію простыхъ людей, гр. Толстой допускаетъ историкоархеологическія невѣрности: такъ фариसेи называются у него православными, саддукеи—раскольниками, мытари—невѣрными, начальникъ синагоги—православнымъ старостою церковнымъ, вмѣсто 10,000 талантовъ говорится миллионъ руб. и под.

Существенныя измѣненія, внесенныя гр. Толстымъ въ содержаніе евангельскаго текста не могли не коснуться и того, что составляетъ центръ, душу евангельскихъ повѣствованій, именно образа Христа Спасителя, такъ непосредственно живо, глубоко правдиво, наглядно и благоговѣнно воспроизведеннаго св. евангелистами. Иисусъ „нов. еванг.“ это человѣкъ, такой же, какъ и другіе,—человѣкъ, котораго по ошибкѣ считали сыномъ Іосифа, но который имѣлъ другаго плотскаго, но неизвѣстнаго отца. Не зная Своего плотскаго отца, Иисусъ признавалъ Своимъ отцемъ Бога. Когда появился съ проповѣдью пророкъ Іоаннъ, Иисусъ вмѣстѣ съ другими пришелъ къ нему, выкупался у него, выслушалъ его проповѣдь и подъ ея вліяніемъ удалился въ пустыню съ тѣмъ, чтобы понять смыслъ жизни человѣка и его отношеніе къ безконечному началу всего, называемому Богомъ; онъ понялъ это и убѣдился, что жизнь человѣка только въ духѣ отца, и руководимый этимъ убѣжденіемъ выступилъ на проповѣдь въ увѣренности принести своею проповѣдью истинную пользу людемъ. Главная тема его проповѣди: внѣшняго Бога нѣтъ, а есть владыка жизни—разумѣніе, открывающееся въ каждомъ человѣкѣ; задача проповѣди—уяснить каждому, что его душа не есть что-либо самостоятельное, но тотъ же духъ-отецъ—

разумѣніе—безконечное начало всего и что понять это можно чрезъ исполненіе пяти вышеуказанныхъ заповѣдей. Эту только тему Иисусъ „нов. евангелія“ и развиваетъ, къ ней постоянно возвращается, чѣмъ и исчерпывается его дѣятельность за все время его общественнаго служенія; о великомъ дѣлѣ искупленія падшаго человѣка Иисусъ „нов. евангелія“ не знаетъ <sup>1)</sup>). Отвлеченность темы, ея постоянное повтореніе обуславливаетъ съ одной стороны туманность и малопонятность ученія, съ другой—его монотонность и однообразіе; и напрасно мы стали бы искать въ немъ проявленій той глубокой и трогательной любви къ ученикамъ, какую дышетъ напр. прощальная бесѣда, изложенная въ нашемъ евангеліи Іоанна, и той поразительной силы обличенія, какую запечатлѣна рѣчь, направленная противъ книжниковъ и фари́сеевъ, сохраненная ев. Маттеемъ; послѣдняя въ „новомъ евангеліи“ является перечнемъ тѣхъ соблазновъ, которые отвлекаютъ отъ исполненія пяти заповѣдей; въ первой по обычаю раскрывается одна и та же вышеназванная тема. Постоянно уча, Иисусъ „нов. евангелія“ является лицомъ совершенно недѣятельнымъ. Правда, онъ, какъ видно, обладалъ искусствомъ врачеванія, но этого искусства не прилагалъ на практикѣ; только однажды, онъ встрѣтивъ въ синагогѣ большую женщину, по нашему евангелію скорченную (Лук. 13, 11), тотчасъ же, по ея просьбѣ, началъ пользоваться ея; дѣлъ же любви, милосердія, дѣлъ вызванныхъ сердечною расположенностію къ людямъ, онъ не совершалъ, и потому онъ не говоритъ о дѣлахъ имъ совершенныхъ, а лишь о дѣлахъ, которыми училъ, на которыхъ указывалъ: „кто будетъ дѣлать то, что Я говорю, тотъ узнаетъ, что правда ли то, что говорю вамъ“ (изъ 7 гл. подъ цит. Іоан. 7, 34). Иисусъ зналъ, что ученіе его не правится православнымъ учителямъ и потому ожидалъ несчастнаго конца; но мысль объ этомъ приводила его въ робость. Такъ, однажды греки язычники пожелали сдѣлаться его учениками. Услыхавъ это Иисусъ смутился: Онъ зналъ,

---

<sup>1)</sup> По утвержденію гр. Толстаго, ученіе о томъ, что Христосъ искупилъ кровію родъ человѣческій, павшій при Адамѣ, придумано лжеучителями „святидоховскими сектантами“; между тѣмъ въ подлинномъ ученіи Іисуса на это, будтобы, нѣтъ и намека.